



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 384–395

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 384–395

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-384-395>, EDN: FXWFSN

Научная статья
УДК 331.52



Сочинения А. Н. Радищева: этуд экономико-антропологической интерпретации

В. А. Максимов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Максимов Вадим Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, maxvad53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>

Аннотация. Введение. А. Н. Радищев в своих сочинениях закладывает основы гуманистического изучения российского общества и антропологического понимания хозяйственных порядков. Большинство работ при жизни не были опубликованы. Научное издание произведений и исследование взглядов, в основном социального характера, было предпринято в 40–50 гг. XX в. В комментариях акцентировалось радикальное мировоззрение мыслителя, проявившееся на литературном поприще. В реальности же творчество просветителя более многогранно и охватывает философию, право, историю, экономику. Выделены три жизненных периода, отличных по тематике, но созвучных нравственным представлениям. **Теоретический анализ.** Первый период творчества характеризуется сочинениями социальной философии, художественной прозой и официальными записками правового и экономического характера, в которых выявляется амбивалентное отношение Радищева к власти, законотворчеству и моральным установкам человека. Выявлено вероятное совпадение взглядов просветителя с его европейскими современниками (Локк, Дидро, А. Смит, Блекстоун) российскими учёными (Татищев, Шторх). Определяются параллели с работами И. Канта и категориальным аппаратом современной экономической антропологии. **Эмпирический анализ.** В компаративистском ключе интерпретируются взгляды Радищева и Екатерины II. Показано, что прямых инвектив в «Путешествии из Петербурга в Москву» против императрицы нет. Труды по законодательству в третьем периоде творчества являются скорректированным продолжением работ первого периода. Наиболее полно экономико-антропологическая тематика представлена в сочинении «О Китайском торге», в котором в неявном виде отвергаются принципы экономической политики правительства, не учитывающей пространственное своеобразие России, её цивилизационную миссию и потенциал свободного предпринимательства. **Результаты.** Сочинения А. Н. Радищева предвосхищают поле исследования современной экономической антропологии: придаётся значение рефлексии в поведении человека, его ноуменальное и феноменальное представление, историческое конструирование способов действия и мысли, перформативное мышление, иерархичность и фрагментация власти, структуризация хозяйственных (рыночных) отношений. Ключевыми понятиями являются коллективная вера, чувства и привычки, склонности и индивидуальные отличия, благо-действие, объективные и субъективные интересы, разумность и рациональность в историческом преломлении. Выделены наиболее важные с позиции просветителя проблемы соборности, воли, моральных императивов, приобретения систематического знания, необходимости законов, прав человека.

Ключевые слова: Просвещение, нравственные и природные законы, права человека, институциональные ценности, структуризация рынков и эволюция социально-экономических отношений

Для цитирования: Максимов В. А. Сочинения А. Н. Радищева: этюд экономико-антропологической интерпретации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 384–395. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-384-395>, EDN: FXWFSN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The works of A. N. Radishchev: A study of economic and anthropological interpretation

V. A. Maksimov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim A. Maksimov, maxvad53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>

Abstract. Introduction. A. N. Radishchev in his writings lays the foundations of a humanistic study of Russian society and an anthropological understanding of economic orders. Most of the works were not published during his lifetime; the scientific publication of works and the study of views, mainly of a social nature, was undertaken in the 1940s–1950s. The comments emphasized the radical worldview of the thinker, manifested in the literary field. In reality, the enlightener's work is more multifaceted and covers philosophy, law, history, and economics. Three life periods are distinguished, different in subject matter, but consonant with moral ideas. **Theoretical analysis.** The first period of writing is characterized by works of social philosophy, fiction and official notes of a legal and economic nature, in which Radishchev's ambivalent attitude to power,



lawmaking and moral values is revealed. The probable coincidence of the enlightener's views with his European contemporaries (Locke, Diderot, A. Smith, Blackstone) and Russian philosophers (Tatishchev, Storkh) is revealed. Parallels with the works of I. Kant and the categorical apparatus of modern economic anthropology are determined. **Empirical analysis.** The views of Radishchev and Catherine II are interpreted in a comparative way. It is shown that there are no direct investives in the "Journey from St. Petersburg to Moscow" against the Empress. The works on legislation in the third period of creativity are an adjusted continuation of the works of the first period. The most complete economic and anthropological theme is presented in the essay "On Chinese Bargaining", which implicitly rejects the principles of the government's economic policy, which does not take into account the spatial identity of Russia, its civilizational mission and the potential of free enterprise. **Results.** The writings of A. N. Radishchev anticipate the field of research of modern economic anthropology: the importance of reflection in human behavior, its noumenal and phenomenal representation, historical construction of ways of action and thought, performative thinking, hierarchy and fragmentation of power, structuration of economic (market) relations are taken into consideration. The key concepts are collective faith, feelings and habits, inclinations and individual differences, good-action, objective and subjective interests, reasonableness and rationality in historical refraction. The problems of conciliarity, will, moral imperatives, acquisition of systematic knowledge, necessity of laws, human rights are highlighted as the most important from the position of the enlightener.

Keywords: Education, moral and natural laws, human rights, institutional values, structuration of markets and evolution of socio-economic relations

For citation: Maksimov V. A. The works of A. N. Radishchev: A study of economic and anthropological interpretation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 384–395 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-384-395>, EDN: FXWFSN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сочинения А. Н. Радищева (1749–1802) охватывают три жизненных этапа, но все они так или иначе проникнуты гуманистической тематикой. Идеологически в них отражаются пристрастия писателя, его идеалы и размышления. Традиционно сочинения обозначаются как художественные (стихи и проза), социально-философские и экономико-правовые. Большинство работ сохранилось в виде набросков, проектов и записок, при жизни практически не опубликованных или представленных анонимно. После смерти просветителя некоторые произведения, в основном философского и антропологического характера, издали его сыновья в 1807–1811 гг. «Путешествие из Петербурга в Москву» не было издано в России вплоть до 1905 г., за исключением небольшого тиража, предназначенного для Саратовского художественного музея. Научное издание произведений было осуществлено в 1938–1952 гг. в трёх томах с некоторыми текстуальными изменениями и библиографическими комментариями, не придерживаясь строго хронологического представления трудов и синхронистического, двойственного замысла в описании состояний общества и авторских суждений. Причём второй том, изданный в 1941 г., предназначался, только для библиотек под грифом «спехранение» [1].

Критическое внимание к своим первым опубликованным сочинениям было продемонстрировано высоким окружением Радищева, но в целом касалось его беллетристики. Благоклонно оценили «Житие Фёдора Васильевича Ушакова» (первое напечатанное произведение писателя в вольной типографии И. Новикова в 1789 г.) кн. Дашкова (экс-президент Ака-

демии наук), её брат, соученик Радищева по Лейпцигскому университету А. Кутузов, гр. А. Воронцов (покровитель и руководитель по службе в Коммерц-коллегии). В частности, Е. Дашкова писала, что лучше всего русский язык в стихосложении звучит у Радищева. Более пронизательной оказалась Екатерина II, оценивая (правда, *post factum*) «Житие...», «Письмо другу» (1790, напечатано с разрешения цензуры в собственной типографии), «Беседа о том, что есть сын отечества» (прочитанной просветителем в «Обществе друзей словесных наук» и изданной анонимно в декабре 1789 г.) и «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790). Помимо хрестоматийного «бунтовщик хуже Пугачёва», императрица подчеркнула на полях «Путешествия...», «что давно его мысль готовилась по взятому пути, а французская революция его решила себя определить в России первым подвизателем» [2, с. 461].

Литературоведческий анализ сочинений А. Н. Радищева первым начал А. С. Пушкин, несколько раз переделывая из-за требований цензуры свою статью «Александр Радищев» в журнале «Современник» в 1836 г., отмечая вклад писателя в реформу русского стихосложения. Он указывал: «Вообще, Радищев писал лучше стихами, чем прозой» [3, с. 237]. В черновом варианте стихотворения «Памятник» было: «Вослед Радищеву восславил я свободу». Пушкин, пожалуй, первым указал на обращение писателя к человековедческой тематике. В начале XX в. С. Булгаков обратил внимание на христианские мотивы человеколюбия в экономических поступках, приводимые Радищевым в большинстве сочинений [4, с. 819]. Позже, в 50-е гг. XX в., Ю. Лотман отмечал, что Радищева привлекали церковные книги не только как источник лекси-



ческого обогащения языка, но и само их содержание, особенно в виде житий. «Просветитель и гельвецианец, он внутри своей системы находил идеалы общества, построенного на интересах всех и каждого, разумно понятом счастье отдельного человека. А идеал самопожертвования ему... приходилось искать в мире образов и идей, выработанных церковной культурой» [5, с. 44].

Социальный радикализм анализа творчества писателя (по односторонним суждениям исследователей XIX–XX вв.), по сути, затмил другие стороны мировоззрения просветителя: антропологические, правовые и сугубо экономические. Библиография, посвящённая этим аспектам, весьма скудна и поверхностна. К 200-летию рождения (1949 г.) выходят монографии М. Горбунова [6] и Е. Приказчиковой [7], а также отдельная глава в многотомной «Истории русской экономической мысли», принадлежащая последнему автору [8]. В 80-е гг. прошлого столетия на философском факультете МГУ издана книга П. Шкуринова [9], а сотрудники экономического факультета приняли участие в создании 6-томной «Всемирной истории экономической мысли», в которой 1 параграф посвящён А. Н. Радищеву [10]. Из новейших изданий следует отметить словарь-справочник «История экономической мысли России в лицах», в котором небольшой очерк о Радищеве написан О. В. Карамовой [11].

Теоретический анализ

Идеи антропологического понимания эволюции общества зародились у А. Н. Радищева в годы учёбы в Германии под влиянием трудов Гельвеция, считающегося классиком и родоначальником этого философского направления. Гельвеций радикально интерпретировал существовавшие взгляды на государство и общество, считая сознание и страсти человека главной движущей силой цивилизаций, превознося индивида с его интеллектуальными способностями, психическими и моральными предпочтениями. Основной труд Гельвеция – «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» – перекликается с сочинениями Радищева «Житие Фёдора Ушакова» и (написанном в ссылке) «О человеке, его смертности и бессмертии». Положения Гельвеция о всеобщем равенстве (лейтмотив Французской революции) впоследствии заложили у просветителя почву для самостоятельного осмысления законов природы и общества, ориентируясь больше на взгляды Дж. Локка (о познании через опыт, о благодетелии, подчинении человеческой воли законам и божественной морали) в работах «Опыт о человеческом

разумении» и «Два трактата о государственном правлении» и широко привлекая труд Монтескье «О духе законов», опирающиеся на концепцию причинности права, а также на сочинения Дидро (собеседник Екатерины II), выделявшего идею непрерывности развития человека (как вида) и историю становления гражданственности.

Если чисто антропологические идеи были выражены Радищевым в сочинениях философского и художественного содержания (первый и второй этап творчества), то подходы уже к экономической антропологии проявились в работах по законодательству и экономико-статистических описаниях на всех этапах, но с разными основаниями и толкованием. Тематически работы предполагают антропологический подход, обоснование этических и моральных человеческих поступков, идеологических пристрастий, спекулятивного представления сущего. Научное преломление подход нашёл в работах И. Канта 80-х гг. XVIII в. – «Определение понятия человеческой расы», «Предположительное начало человеческой истории». Неслучайно некоторые малые сочинения А. Н. Радищева носят схожие названия – «Творение мира», «О добродетелях», «К Российской истории», «О человеке». Данные произведения просветителя были написаны после фундированного ознакомления с трудами и идеями западноевропейских мыслителей, которые, в свою очередь, обращались к республиканским воззрениям Античности. Приводимые выше названия работ европейских мыслителей почти тождественны по содержанию, заголовкам или размышлениям писателя. Тем самым Радищев либо сознательно обозначает свою идейную близость к этим сочинениям, либо следует принципу преемственности (филиации) «просвещённого духа» эпохи в виде приверженности софистическим идеалам.

Экономическая антропология в современном значении находит свои истоки (как в виде концептуальных рамок, так и в виде дисциплинарного направления) в социальной антропологии, зародившейся в 30-е гг. XX в., благодаря классическим работам М. Мосса и Б. Малиновского, а также в науковедческих работах по экономической социологии М. Вебера и В. Парето. Иногда обращаются к взглядам К. Маркса, продвигая «новую эволюционную» теорию общества/человека. Операционный инструментарий экономической антропологии включает рефлексивный и феноменологический анализ, историческое конструирование способов действия и мысли, перформативное мышление, иерархичность и фрагментация власти, структуры хозяйственных (рыночных) отношений.



Ключевыми понятиями являются «поведение», «коллективная вера», «чувства» и «привычки», «склонности» и «индивидуальные отличия», «долженствование» и «благо-действие», «объективные и субъективные интересы», «разумность и рациональность» в историческом преломлении. Труды П. Бурдые признаны методологическим основанием современной экономической антропологии. В контексте настоящей статьи важным является обращение французского исследователя к работам Ж. Бодена и Монтескье, показавших, что генезис экономики связан с «пониманием государства» [12], а также к идеям И. Канта, особенно к его метафорической категории «*homo estheticus*», находящейся в определённой дихотомии с «*homo economicus*», и возвращением понятия антиномии к его первоначальному (юридическому) смыслу, связанному со справедливостью законов, их непротиворечивостью.

Следует отметить, что с начала XXI в. историко-философский анализ политики и права обсуждает «Кантовский антропологический проект», превратившийся из маргинального предмета в перспективную тему, междисциплинарно соединяющую социальные науки. В рамках данной статьи важны идеи Канта, по сути, предваряющие современную концепцию «прагматичной рациональности действия». Мыслитель писал о характере, склонностях, познании человеком самого себя, исходя из его природы: «...мы должны признать друг в друге существа, зависящие друг от друга, нуждающиеся в воспитании и знании, постоянно меняющиеся или заново изобретающие общественные нормы поведения» [13]. В сочинениях Радищева нет упоминания Канта и его современника Д. Юма, независимо исследовавших метафизику нравов, но зато есть упоминание об А. Смите, книга которого «Теория нравственных чувств» соответствует антропологической линии и освещает этические проблемы поведения человека в обществе. Экономико-антропологическое видение проявляется у А. Смита в знаменитой работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», которое Радищев знал и изучал параллельно с трудами английского классика юриспруденции У. Блекстоуна. Методологические совпадения со Смитом и Кантом особенно видны в работах Радищева по законодательству.

Эмпирический анализ

В анонимном сочинении «Беседа о том, что есть сын отечества» (1789) А. Н. Радищев выделяет главные качества гражданина: честь, совесть и любовь, которые воплощаются в

благородстве, добродетели, скромности, благонаравии, трудолюбию, умном сострадании, «охоте благотворить всем» [2, с. 218]. Можно проследить неявные отсылки к шотландской моральной философии и сочинению А. Смита «Теория нравственных чувств». «Беседа...» была опубликована в декабрьском номере журнала «Беседующий гражданин», издаваемого «Обществом друзей словесных наук», в которое входил А. Н. Радищев. В Обществе были распространены идеи сект мартинистов, иллюминатов и масонских лож различного толка, хотя Радищев и не разделял их взглядов, но влияние Французской революции сказалось на пафосе выступления. Журнал был закрыт, Общество распущено. Вполне возможно, что после этого социальная обличительность писателя («русский Дон Кихот», по А. С. Пушкину) стала восприниматься властью как политическое вольнодумство и ересь, приведшая через полгода к запрету «Путешествия...», суду и ссылке.

«Житие Фёдора Васильевича Ушакова» (1789) – первое напечатанное при жизни оригинальное произведение, принесшее просветителю широкую известность, в том числе при императорском дворе. В труде, отталкиваясь от сочинений французского мыслителя Гельвеция, но более ориентируясь на радикального социального философа Мабли с его произведениями «Размышления о греческой истории» (Радищев ещё в юности, учась в Лейпциге, по заказу из России сделал перевод) и «Начальное основание нравов», А. Н. Радищев расширил своё понимание предназначения человека – в духе политической морали. Характерно, что вторая часть «Жития...» носит заголовок «Размышления» – по сути, о природе «существа государства», автор определяет его исторически как «состояние независимости и равенства» [2, с. 188]. Мировоззренческая позиция развивается просветителем в более позднем сочинении – «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанном в ссылке и читаемая как исповедь собственного пережитого. Список привлечённых источников и ссылок впечатляет: из древних – Аристотель, Сенека, Лукреций Кар, Ликург; из Возрождения – Мильтон, Локк, Шекспир, Декарт; из современной ему эпохи Просвещения – Руссо, Пристли, Гердер, Вольф, Ламетри, Лессинг, Лейбниц. Обращение к разноплановым философским и историческим трудам приводило Радищева к текстовому совпадению, критическому переосмыслению и органическому обобщению. Споря с Гельвецием, просветитель утверждает, что человек индивидуален в побуждениях, но как личность подчиняется закону,



«свободное его деяние сопрягло неразрывным союзом... с жизнью общественной» [14, с. 65].

Философско-социальная рефлексия была продолжена в книге «Путешествие из Петербурга в Москву», подготовленной в конце 1789 г. и набранной для печати самостоятельно автором в марте 1790 г. Её содержание стилистически совпадает с подобными произведениями французских и английских авторов. Сам Радищев замечал, что определённым образцом послужило сочинение Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», подчёркивал влияние Г. Рейналя с его нашумевшим трудом в шести томах «Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях». Антимонархические инвективы и доводы о праве бунтующего народа свергать тиранов привлекло Радищева и использовано им в оде «Вольность», тайно включённой в «Путешествие...». Екатерина II прочла труд Рейналя, по некоторым сведениям, дала ему аудиенцию, но в своих замечаниях по делу Радищева поставила ему в укор потакание «аббе Рейналю» и французской заразе [2, с. 472].

В «Путешествии...» на основе собственных представлений о преобразовании государства автор дифференцировано рассматривает состояние общества, выводя его из неравенства форм собственности и образования доходов. Радикальные призывы были завуалированы житиями, разговорами со случайными попутчиками и зарисовками (сказками) безысходности хозяйственной жизни и личной бесправности помещичьих крестьян. Именно против произвола дворянского сословия, попрания человеческого достоинства было направлено большинство глав книги. Напрямую Радищев не обвиняет императрицу, а лишь предупреждает, что попрание исторически традиционных устоев государства может привести к социальному взрыву и расправе с властителями (подразумевается дворянство и чиновничество). Реакция Екатерины II вызвана скорее не знаменитым эпиграфом «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй», который взят из поэмы В. Тредиаковского «Телемахида», разрешённая к печати в 1766 г. как перевод Фенелона, а строками «Вольности»: «Ликуйте склепаны народы, се право мщенье природы на плаху возвело царя» [2, с. 5].

Истоком трагической патетики оды и нравственных переживаний автора во всей книге с некоторой очевидностью является амбивалентное отношение А. Н. Радищева к начинаниям императрицы и их воплощениям на «государевом поприще». В 1766 г. был принят «Наказ Екатерины II» [15], инициированы дискуссии в

Вольном экономическом обществе «о стеснённом состоянии» крестьянства, под влиянием французских физиократов и Дидро рассматриваются проекты пересмотра «крепости к земле». Определялись условия, временные рамки и мера освобождения. Но оскудение казны, финансовые провалы, череда войн, смена налогообложения, масштабное восстание Е. Пугачёва остановили прогрессивные преобразования российского общества. Радищев постепенно утратил веру в легитимность существующего государственного порядка в 80-е гг. XIII в.

Компаративистское выделение и трактовка прерогатив человека-гражданина и власти (дихотомия народ/государство) можно проследить по сочинениям А. Н. Радищева и Екатерины II. «Наказ» был принят просветителем за основу при создании аналитических работ по правовой тематике с акцентом на переосмысление существующего корпуса законодательных актов. Стилистически разделы и тезисы авторов весьма схожи, подчас буквальны по смыслу и форме, частично восходят к одним источникам и приведены в таблице [15, 16].

«Опыт о законодавстве» тематически подвёл итог первоначального осмысления автором правовых истоков человеческих действий в государстве. Он пишет: «...ни намеряясь сравниться с Блекстоном, желаем мы извлечь по разумению нашему смысл до селе изданных в России законов, расположа их естественном порядке... все законы относятся к тому, что право, или что делать дозволяется, и к тому, что не право, или что делать запрещается» [16, с. 8]. Содержанием законов являются: «нравы, вера, вольность, имение и сохранность граждан» [16, с. 5]. В начале XIX в. эту линию продолжил первый русский академик-экономист Г. Шторх в многотомном труде «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие». Шторх считал, что благосостояние народа заключается не только в вещественных благах, но и в невещественных, к которым относил здоровье, знание, ремесленную ловкость, вкус, нравственность, религиозность, безопасность. Параллельность со взглядами Радищева очевидна. Более того, в «Курсе...» Шторх выделяет целый раздел, посвящённый естественному развитию цивилизации, что соответствует эволюционной концепции современной исторической экономической антропологии и прозрениям А. Н. Радищева. Понимание личностных благ как основы общественного благосостояния можно признать аксиомой современной теории человеческого капитала и измерения символической стоимости интеллектуального капитала.



Сравнительная характеристика сочинений Екатерины II и А. Н. Радищева
Table. Comparative characteristics of the works of Catherine II and A. N. Radishchev

«Наказ Екатерины II»	«Опыт о законодательстве» «О законоположении»
1. Закон Христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно	Вера... во всех ея действиях наипочтеннейшая вещь, которую человеческий разум себе только представить может
2. Полагая сие законом веры ... сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет, видеть все отечество свое на самой вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия	Истина и блаженство ближнего будут... наша единственная цель
3. А всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его ото всех сему правилу противных предприятий	Закон не может довольно стрещи нравы, кои суть накрепчайшая подпора человеческого благополучия и гражданского общества. Добродетель не может быть ни повеленная, ни принужденная. Она независима...
4. ...то, основываясь на выше писанном первом правиле, надлежит войти в естественное положение сего государства	Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан
5. Ибо законы, весьма сходственные с естеством, суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены	Предметы закона суть: нравы, вера, имение и сохранность граждан
7. Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали со климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей	Не успел Пётр I ввести в Россию новые обычаи и обряды ... как почувствовал нужду переменить многое в прежних законоположениях
9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства	Государь есть самодержавный. Он заключает в себе законодательную, судебскую и исполнительную власти... то есть государь есть источник к всякие государственныя и гражданския власти
10. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит	...из сего следует, что государь может всё делать по своему произволу... должен творить в пользу общую
11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно	...ибо какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтобы у людей отнять естественную вольность; но чтобы действия их направить к получению большего ото всех добра
12. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим	И се глаголет российская законоположница: закон не происходит единственно от власти. Вещи между добрыми и злыми по естеству своему не подлежат законам, следовательно, и власти
13. Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра	...воля государя в России есть не ограничена ни малейшею преградою, ибо яко первойшей судия, он судит по правилам, яко исполнитель первенственный, он исполняет только решение своё, на законе основанное, но издавая закон новый, следует он единому только расположению своих мыслей, и власть его распространяется на предлоги общественного правления
14. И так правление, к сему концу достигающее лучше прочих и при том естественную вольность меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на который в учреждении гражданских обществ взирают неотступно. 63. Закон не происходит единственно от власти; вещи между добрыми и злыми средние, по своему естеству, не подлежат законам	Человек, происходя на свет, есть равен во всём другому... первое его стремление или естественная обязанность искати своего пропитания и сохранения; первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребиться не может... Се основание закона естественного



Окончание таблицы / Continuation of the Table

<p>15. Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя.</p> <p>16. Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовать благополучию подданных, как и самая вольность.</p> <p>32. Великое благополучие для человека быть в таких обстоятельствах, что, когда страсти его вперяют в него мысли быть злым, он, однако, считает себе за полезнее не быть злым</p>	<p>Употребитель народной власти даёт законы. Закон есть предписание высшей власти... как безбедное употребление прав естественных</p> <p>Итак не государь, но закон может у гражданина отнять имение, честь, вольность или жизнь. Отъяв единое из сих прав у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скиптр в руках, право ко престолу</p>
<p>33. Надлежит, чтоб законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждого особо гражданина.</p> <p>34. Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам</p>	<p>Основав законы гражданские на лучшем понятии первых прав положительных и прав естественных... Екатерина II начертала Наказ свой о сочинении нового уложения... к великой чести ея в Наказе освятила правила обществ непреложные, цель оных, и намерение... царствовать над обществом, управлять народом блаженным, или лучше сказать, дать ему управляться самим собою, оставляя себе одно верховное всего надзирание</p>
<p>№?? Сие равенство требует хорошего установления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжание имеющих и обращать себе в собственную пользу чины и звания...</p>	<p>Законы во всех государствах, как то история повествует, издаваемы были повременно, и по случившимся нуждам и обстоятельствам</p>
<p>41. Ничего не должно запрещать законами, кроме того, что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу</p>	<p>Таковы выписки из римских законов ... Юстиниана. Начальные основания или так называемые институты римских прав служили и ныне во многих местах служат примером к расположению порядка и законоучению</p>
<p>44. И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно.</p> <p>45. Многие вещи господствуют над человеком: вера, климат, законы, правила, принятые в основание от правительства, примеры дел прешедших, нравы, обычаи</p>	<p>Не тщая последовать за Юстинианом, не намеряся сравниться с Блекстоном, желаем мы извлечь по разумению нашему смысл до селе изданных в России законов, расположив их естественным порядком</p>
<p>47. Природа и климат царствуют почти одни во всех диких народах.</p> <p>48. Обычаи управляют китайцами.</p> <p>49. Законы владычествуют мучительские над Японию.</p> <p>50. Нравы некогда устраивали жизнь лакедемонян.</p> <p>51. Правила, принятые в основание от властей, и древние нравы обладали Римом.</p> <p>52. Разные характеры народов составлены из добродетелей и пороков, из хороших и худых качеств</p>	<p>Со временем издания онога Наказа ... прошло более 35 лет, или время целого поколения, и народ российский и род человеческий переменился в том, что живут теперь люди не те, которые жили тогда; общее умонастроение во многом клонит и нагибает во стезю свою самые законы и власть</p>
<p>57. Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности.</p> <p>59. Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа.</p> <p>60. Итак, когда надобно сделать перемену в народе великую к великому онога добру, надлежит законами то исправлять, что учреждено. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями</p>	<p>Такова участь человека быть подвержена переменам, есть устав непреложный в мире вещественном и нравственном</p>



В «Опыте о законодательстве» рассматривается роль личности: «...человек имеет яко член общества» [16, с. 12], и её правомочия: «...имение есть полезное употребление, собственность же не теряется никогда» [16, с. 14]. Значение границ власти и свободы: «Государь может всё делать по своему произволу, но то, что начинает, не имея хотя деянием своим положительных правил, должен творить в пользу общую, ибо какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтобы у людей отнять естественную вольность: но, чтобы действия их направить к получению большего ото всех добра... все действия государства должны стремиться к благосостоянию оного» [16, с. 188–190]. «Итак, не государь, но закон может у гражданина отнять имение, честь, вольность или жизнь. Отъявый единое из сих прав у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скипетр в руках, право к престолу». Интерпретируя «Наказ», Радищев пишет: «И се глаголет российская законодательница: закон не происходит единственно от власти. Вещи между добрыми и злыми средняя по естеству своему не подлежат законам, следовательно, и власти» [16, с. 15].

На третьем этапе творчества, когда Радищев был привлечён в Комиссию сочинения законов, инициированных Александром I, были написаны записки «О законоположении», «Проект для разделения Уложения российского» и «Проект гражданского уложения» (1801–1802). В преамбуле каждой он пишет об изменившихся нравах, умонастроениях общества, устаревших принципах справедливости и собственности. Идеологически записки продолжают линию сочинений первого этапа просветителя с привлечением, по всей вероятности, трактата итальянского экономиста и юриста Г. Филанджери «Наука законодательства» (1780–1788). В ссылке Радищев просит А. Р. Воронцова прислать французский перевод этой нашедшей книги (идеи равенства и свободы в конституционном строе государства автора очень импонировали якобинцам, Б. Франклину и, что интересно, Наполеону).

Структурно записки очень схожи с сочинением И. Канта «Метафизика нравов» (1797). Вводятся первичные понятия: способности человеческой души, удовлетворённые и неудовлетворённые желания (у А. Н. Радищева это описано в стихах и дневнике 1770-х гг.). Обосновываются универсалии: свобода, воля, чувства, долг как моральный императив, обязательность как категорический императив разума, направляющий через цель действие (вменённое деяние, определяющее случайный поступок необходимостью). Кант подчёркивает, что за-

коны свободы, в отличие от законов природы, называются моральными, причём при внешних поступках они выступают как юридические законы. Нравственные законы, в отличие от законов природы (в науке), становятся таковыми «лишь в том случае, если основаны a priori и осознаны как необходимые» [17, с. 271]. Сдержанием нравственности становятся счастье, склонности, манеры, обращение, долг, выгоды при нарушении, благоразумие, добродетель. Он пишет: «...метафизика нравов не может основываться на антропологии, но может быть применима к ней»; следует прагматически учитывать природу человека (из опыта), чтобы «показать последствия, вытекающие из всеобщих моральных принципов» [17, с. 273]. Необходимость «Метафизики» для всякого законодательства выводится из долга (как закона) и обязанности (как мотива), что прослеживается и в радищевском «Опыте». Правильное понимание нравов даётся через систематическое знание общественных изменений, так как происходит столкновение свобод в виде права человека в собственном лице и правом людей. Надо признать, считает Кант, деление права (кодификация) на строгое (*strikte*) и двусмысленное (где к гражданскому праву относят этические категории – справедливость и совесть). Суждение о строгом праве «как возможность полного взаимного принуждения, согласующего со свободой каждого, сообразной со всеобщими законами» [17, с. 284], по формулировке близко к положениям У. Блекстоуна, на которого ссылался Радищев.

Антропология в широком смысле (и как экономическая) рассматривается Кантом в общем учении о праве «Частное право, касающееся внешнего *мое* и *твое* вообще». Выделены в виде рубрик: вещное, личное, вещно-личное право; право домашнего сообщества, догматическое деление всех прав. Такое деление восходит к древнеримским канонам, инкорпорированных в современную экономическую теорию в 60-е гг. XX в. в виде правомочий собственности (так называемый список Оноре). Более того, структурно-смысловое совпадение проявляется у просветителей при рассмотрении государственного права: у Канта – «Общее замечание относительно правовых следствий из природы гражданского союза», а также «О правовом отношении гражданина к отечеству и к зарубежным странам» [17, с. 310–325]. У Радищева в «Проекте для разделения уложения Российского»: «Лицо естественное или единственное есть каждый человек в своей особенности. Оно больше может иметь прав и обязанностей, нежели лицо множественное, соборное или нравственное», далее – «Пресле-



дую человеку в общество, закон назначает ему средство, как ему быть гражданином. И если он к обществу не принадлежит, есть странник, то и тут, взяв его под свою защиту, он определяет его с обществом отношения» [16, с. 172–173].

В рукописи «О законоположении» Радищев снова обращается к «Наказу», комментируя озабоченность императрицы будущим государством. Она указывает, что «Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает ещё чрезмерным пространством земель, которые ни населены, ни обработаны», что «новозаведённый способ от дворян собирать свои доходы в России уменьшает народ и земледелие... не может быть там ни искусное рукоделие, ни твёрдо обоснованная торговля, где земледелие в уничтожении или не рачительно производится; не может земледельчество процветать тут, где никто не имеет ничего собственного». Экономически интерпретируя пожелания, Радищев пишет: «...нужно постановить некоторое в законе правило о налогах, дабы народ ведал, что оно непременно и его никто не преступит... В ближайшем и теснейшем союзе с народным благосостоянием состоит обращение знаков, всякое имущество представляющих... малое или большое их количество, скорое или медленное их обращение может препятствие сделать в народной торговле, приводить граждан в убожество или делать их крезами» [16, с. 158–159]. Более подробно хозяйственное поведение, нравы, привычки и склонности в торговле Радищев описывает в дневниках, письмах и заметках, относящихся к годам ссылки (второй этап творчества).

Продолжением данной рукописи стал «Проект для разделения уложения российского», написанный в сжатой форме как прелиминарный вариант для будущего более обширного документа. Разделение здесь касается предметного существа законов государственных, гражданских, уголовных и «служащих к восстановлению общего мнения». Более отчетливо, чем в первом «Опыте», подчёркивается, что есть права и обязанности государя и есть права и обязанности государства (если первые права у Екатерины II согласуются с тезисами Н. Макиавелли в труде «Государь», то у Радищева прослеживается линия Ж. Боден – Дж. Локк). Лапидарно обозначены права и обязанности народа и граждан вообще: «Права их состоят в свободе 1) мысли, 2) слова, 3) деяния, 4) в защите самого себя, когда того закон сделать не в силах, 5) в праве собственности и 6) быть судимы себе равными». Антропологически весомым абзацем в рукописи является «Общее мнение, яко твердейшая опора всех человеческих по-

становлений», достигающаяся воспитанием, почтением к законам, доверенностью к правительству, сообразностью всех законоположений [16, с. 166–170].

«Проект Гражданского уложения» тематически и идейно являлся продолжением «Опыта», в политическом плане он прямо оппонировал установкам П. Завадовского (председатель Комиссии) и премьеру М. Сперанскому, считавших коренное реформирование законодательства мерой преждевременной, в какой-то степени невозможной и нежелательной. Данный проект имеет выраженный коннотативный характер; Радищев настаивает на гностическом преломлении права и законов. С одной стороны, он эпистемически презентует содержание права и связанных с ним категорий, с другой стороны, выводит законы в этическую плоскость, исходя из природы человека. Просветитель как бы обращается к двум адресатам – власти и обществу: к власти – через практические следствия воплощения соответствующих времени законов; к обществу – через разумность следования законам и признания их необходимости. Представляется, что методологически Радищев близок кантовской логике чистого и практического разума, а системно – к Локку в приводимых выше трактатах. Представляется как апория преамбулы «Проекта»: «То, что закон даёт человеку, не есть что либо вещественное, не может изобразиться в чувствах, оно и не есть сила или способность, какая либо, ибо сила или способность могут явиться в своих действиях непосредственно, но то что он дарит есть то самое, что силы и способности человека делает деятельными, то, что в человеке направляет его волю, словом закон даёт право, природа даёт ему силу, способность; но они могли бы быть препятствуемы в действиях своих, если бы закон не дал ему того, что отдаляет всякое препятствие, что даёт способности и силе деятельность не возбранную. Таково есть понятие, которое можно иметь о праве вообще» [16, с. 171].

«Проект» считается крупнейшим юридическим трудом А. Н. Радищева [16, с. 597], но в нём также присутствуют будущие составные элементы современной институциональной теории, поведенческой экономики и новой политической экономики. Центральное место занимает проблема собственности и свободы (как экономической, так и нравственной). Радищев определяет взаимосвязь закона и свободы действий человека: «...закон судит только о тех деяниях, где видно свободное воли определение... и где нет свободы деяния, там нет и обязанности» [16, с. 175]. Соизволение – суть действия, и должно соблюдать ряд условий; при взаимном соизволении приоб-



ретаются право в идее договора (контракты – одни из главных институций в экономической теории). А. Н. Радищев специально оговаривается, в Российской империи привычен договор, но в Санкт-Петербургской таможне имеют дело с контрактами. Договор есть существенное состояние, «чтобы было обещание с одной стороны, восприятие с другой стороны; договаривающиеся имели способность договариваться... и были бы свободны» [16, с. 180]. По сути, интенционально предусматривается справедливость сделки. Достаточно подробно рассматриваются имущественные права как основа договоров, где автор особо дифференцирует имущество и владение, подчёркивая, что честное владение основано на справедливости.

Собственность, по Радищеву, когда кто-то имеет право исключительно перед другими распоряжаться вещью, здесь просветитель прямо следует понятию *dominium* из римского права. Следует отметить, что идея и право собственности в XVIII в. рассматривались как неперемное условие любого экономического порядка. Максима У. Блекстоуна (и её перифраз А. Смитом) «ничто так сильно не затрагивало бы чувства человека, как право собственности» была знакома Радищеву. Причём, вторя им, содержание собственности не касалось её режимов – экономическая мысль воспринимала как данное её значение вообще, не ставя вопрос о её частном характере. А. Н. Радищев традиционно выделяет виды непосредственного приобретения собственности (всего – девять), но оригинальным является не констатация её существования и реализации, а истоки сложившихся форм и их эволюция. Значимость такого понимания прав собственности приходит в экономическую науку только в середине XX в. В этом контексте важным становится суждение Радищева о праве на собственность, подразумевая как естественное право человека. Он пишет: «Собственность – один из предметов, которой человек имел в виду, ступая в общество; собственность стала посредством онаго такая гражданина принадлежность, что умалить права его на оную было бы истинное нарушение начального общественного договора» [16, с. 216].

Конкретное представление передачи прав собственности можно обозначить как механизм покупки-продажи через добровольный договор, мены как уступки прав «вещь за вещь», согласие на страховое возмещение, жребий, лотереи, аукционы, подарки. Радищев выделил договор, применяя современную терминологию, «принципал-агент», или «по римскому законоучению, вещь за дело или дело за дело, существенно

то... что за деяние и действие или за недействие должно быть обещано удовлетворение. Ибо закон не предполагает, чтобы кто либо, что делал без мзды» [16, с. 234]. Подчёркивается, что такие договоры заключают в себе взаимность.

В статистических обзорах и инспекционных отчётах, закреплённых в сочинениях «О доходах государственных» [16, с. 18], «Записка о податях Петербургской губернии», «Описание Петербургской губернии», «Описание Тобольского наместничества», конкретизируется региональная хозяйственная практика или, применяя современную антропологическую терминологию, Радищев различает *market* и *market place*. Он пишет: «Истина, доказательств кажется не требующая, есть, что в Государстве, изобилующими своими произведениями, корень общественного благосостояния основывается на беспрепятственном и скором обращении домашнего избытка» [5, с. 5]. «Три рода людей участвуют в торгах всякого рода, имеют от оного своего пропитания или оными приобретают богатство (изъятие из сего быть могут, но редки). Первые суть производители вещей или товаров, коими торг ведётся; другие те, кои товар приводят в обращение, т.е. покупатели или продаватели; третьи те, кои, не участвуя в собственности вещи, или с оную временно обращаются» [5, с. 10]. Свои суждения Радищев подкрепляет замечаниями об иерархии домашних отношений, а между домохозяйствами может существовать символическая логика потребления и символическое измерение экономических отношений, например при заключении трудовых контрактов. Можно сказать, что просветитель предвосхитил современную идею иерархии рынков и структурных трансакционных издержек). Также провидчески замечает: «Если промысел рукоделия, искусства или упражнение какого бы рода ни было, питает большее число людей, хотя бы оно и меньшее число капитала пускало в обращение, или меньшее бы число производило числительных богатств,.. предпочтительнее тому, которое обращающая великие капиталы или производя много богатств, меньшее число людей питает [14, с. 20].

Результаты

Сочинения А. Н. Радищева, прежде всего, отражают его гуманистические пристрастия, его идеалы и размышления. Традиционно сочинения обозначаются как художественные (стихи и проза), социально-философские и экономико-правовые. Большинство работ сохранилось в виде набросков, проектов и записок, при жизни практически неопубликованных или представленных



анонимно. После смерти просветителя некоторые произведения, в основном философского и экономико-антропологического характера, были изданы в начале XIX в., а полное собрание сочинений – к середине XX в. Литературоведческий анализ сочинений А. Н. Радищева начал А. С. Пушкин. В черновом варианте стихотворения «Памятник» было: «Вослед Радищеву восславил я свободу», указывая на обращение писателя к человековедческой тематике. В начале XX в. С. Булгаков обратил внимание на христианские мотивы человеколюбия в экономических поступках, приводимые Радищевым в большинстве сочинений Социальный радикализм анализа творчества писателя (по односторонним суждениям исследователей XIX–XX вв.), по сути, затмил другие стороны мировоззрения просветителя: антропологические, правовые и сугубо экономические. Библиография, посвящённая этим аспектам, весьма скудна и поверхностна.

Если чисто антропологические идеи были выражены Радищевым в сочинениях философского и художественного содержания (первый и второй этап творчества), то подходы уже к экономической антропологии проявились в работах по законотворчеству и экономико-статистических описаниях на всех этапах, но с разными основаниями и толкованием. Тематически работы предполагают обоснование этических и моральных человеческих поступков, идеологических пристрастий, спекулятивного представления сущего. Самостоятельное осмысление законов природы и общества приводит просветителя к переложению взглядов Дж. Локка, Монтескьё, Дидро, что подвигло Радищева к проекту реформирования российского законодательства, исходя из эволюционного понимания политических и хозяйственных порядков. Представляется весьма актуальной компаративистская интерпретация права, государства и человека Екатерины II («Наказ») и И. Канта («Метафизика нравов») с оригинальными трудами просветителя.

Содержательно экономическая антропология в правовом контексте раскрывается в рукописях третьего периода – «О законоположении», «Проект для разделения Уложения российского» и «Проект гражданского уложения» (1801–1802), а также в произведении «О Китайском торге». В преамбуле каждого труда Радищев пишет об изменившихся нравах, умонастроениях общества, устаревших принципах политических, социальных и хозяйственных правомочий. Идеологически сочинения продолжают линию первого этапа и, по сути, предвосхищают поле исследования современной науки:

рефлексивный и феноменологический анализ, историческое конструирование способов действия и мысли, перформативное мышление, иерархичность и фрагментация власти, структуризации хозяйственных (рыночных) отношений. Ключевыми понятиями являются «поведение», «коллективная вера», «чувства» и «привычки», «склонности» и «индивидуальные отличия», «благо-действие», «объективные и субъективные интересы», «разумность и рациональность» в историческом преломлении. Аналитически в сочинениях просветителя поднимаются проблемы соборности (народоизъявление, народовластие), воли (разумное намерение, интенция), моральных императивов (долг, природное благоразумие), приобретения систематического знания и практического опыта, необходимости законов, прав и обязанностей человека.

Идеи А. Н. Радищева, изложенные в опубликованных и рукописных трудах, заострили внимание российского общества и власти на новых реалиях, присущих духу Просвещения, и цивилизационных ценностях человеческого бытия.

Список литературы

1. Максимов В. А. Политическая экономия А. Н. Радищева: институты, право и поведенческие отношения // Профессиональная ориентация. 2021. № 4. С. 51–56.
2. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. 504 с.
3. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. М. : Правда, 1981. 448 с.
4. Булгаков С. Н. История экономических и социальных учений. М. : Астрель, 2007. 988 с.
5. Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов : сб. стихов / вступ. ст. Ю. М. Лотмана. Л. : Советский писатель, 1971. С. 5–62.
6. Горбунов М. А. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. М. : Госполитиздат, 1949. 172 с.
7. Приказчикова Е. В. Экономические взгляды А. Н. Радищева. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 141 с.
8. История русской экономической мысли : в 5 т. / под ред. А. И. Пашкова. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1955. 756 с.
9. Шкуринов П. С. А. Н. Радищев. Философия человека. М. : Изд-во МГУ, 1988. 220 с.
10. Всемирная история экономической мысли : в 6 т. / под ред. В. Н. Черковца. Т. 1. М. : Мысль, 1987. 606 с.
11. История экономической мысли России в лицах: Словарь-справочник / под ред. Н. Н. Думной, О. В. Карамовой. М. : Кнорус, 2007. 406 с.



12. Бурдые. П. Экономическая антропология. Курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М. : Дело, 2019. 416 с.
13. Жаворонков А. Г. Социальные аспекты антропологии Канта и их влияние на социологию XX века: проблемы и примеры // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 187–197. <https://doi.org/10.31857/S004287440007536-4>
14. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 516 с.
15. Наказ Екатерины II комиссии о составлении проекта нового уложения. 1767 года. М. : Изд.: книга по требованию, 2012. 320 с.
16. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 676 с.
17. Кант И. Критика практического разума. СПб. : Наука, 2005. 528 с.
7. Prikazchikova E. V. *Ekonomicheskiye vzglyady A. N. Radishcheva* [Economic Views of A. N. Radishchev]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1947. 141 p. (in Russian).
8. Pashkov F. I. (ed.). *Iatoriya russkoi ekonomicheskoi mysli* [History of Russian Economic Thought]. Vol. 1. Moscow, Gospolitizdat, 1955. 757 p. (in Russian).
9. Shkurinov P. S. A. N. *Radishchev. Filosofiya cheloveka* [A. N. Radishchev. Philosophy of Man]. Moscow, Moscow University Press, 1988. 220 p. (in Russian).
10. Cherkovets V. N. (ed.) *Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoy mysli* [World History of Economic Thought]. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 606 p. (in Russian).
11. Dumnaya N. N., Karamova O. N. (eds.) *Istoriya ekonomicheskoy mysli Rossii v litsakh: Slovar-spravochnik* [History of economic thought in Russia in persons: Dictionary-reference book]. Moscow, Knorus Publ., 2007. 406 p. (in Russian).

References

1. Maksimov V. A. A. N. Radishchev's political economy: Institutions, law and behavioral relations. *Professional'naya orientatsiya* [Professional Orientation], 2021, no. 4, pp. 51–56 (in Russian).
2. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Set of Works]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1938. 504 p. (in Russian).
3. Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 6. Moscow, Pravda Publ., 1981. 448 p. (in Russian).
4. Bulgakov S. N. *Istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh ucheniy* [The History of Economic and Social Teachings]. Moscow, Astrel Publ., 2007. 988 p. (in Russian).
5. Lotman Yu. M. Poetry of 1790s–1810s. In: *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of 1790s–1810s]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1971, pp. 5–62 (in Russian).
6. Gorbunov M. A. *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vzglyady A. N. Radishcheva* [Philosophical and Socio-Political Views of A. N. Radishchev]. Moscow, Gospolitizdat, 1949. 172 p. (in Russian).
12. Bourdieu P. *Ekonomicheskaya antropologiya. Kurs lektsiy v Kollezh de Frans (1992–1993)* [Economic Anthropology: Course of Lectures at the College de France (1992–1993)]. Moscow, Delo Publ., 2019. 416 p. (in Russian).
13. Zhavoronkov A. G. Social Aspects of Kant's Anthropology and Their Influence on the 20th Century Sociology: Problems and Cases. *Voprosy Filosofii*, 2019, vol. 12, pp. 187–197 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440007536-4>
14. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Set of Works]. Vol. 2. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 516 p. (in Russian).
15. *Nakaz Yekateriny II komissii o sostavlenii proekta novogo ulozheniya. 1767 goda.* [The order of Catherine II of the Commission on the drafting of a new regulation. 1767]. Moscow, Ed.: book on demand, 2012. 320 p. (in Russian).
16. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Set of Works]. Vol. 3. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 676 p. (in Russian).
17. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [Criticism of Practical Reason]. St. Petersburg, Nauka Publ.. 2005. 528 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 12.10.2022; принята к публикации 13.10.2022
 The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 12.10.2022; accepted for publication 13.10.2022